

«БЕЖЕНСТВО ОКАЗАЛО ПОДАВЛЯЮЩЕЕ И РАЗЛАГАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МНОГИХ...»: ИЗ ОПЫТА РОССИИ 1914–1917 гг.¹

Статья посвящена истории российского беженства 1914–1917 гг. и, в частности, связанной с ним проблеме роста проституции. Рассматривается общественная дискуссия вокруг этого вопроса, а также попытки борьбы с торговлей «живым товаром», которые, однако, действительного эффекта так и не возымели.

Ключевые слова: I Мировая война, беженцы, проституция, общественность

В начале 1916 г. на театральных подмостках Российской Империи не без успеха шла постановка «Беженцы: Дети разоренного края»². Не отличавшаяся особыми художественными достоинствами, она брала прежде всего своей злободневностью. Сюжет настоящей «драмы на современную тему» был построен вокруг истории семейства неких Рудзевичей, уроженцев Лифляндской губернии, бежавших от войны, как и тысячи им подобных жителей западных губерний России. При этом, как и тысячи им подобных беженцев, герои произведения оказались вдали друг от друга. Дочери Рудзевича, Аля и Янина, оставшись один на один с жестокой действительностью, тут же угодили в притон некой Амалии Карловны Штрекен, после чего первая из девушек «от сильного потрясения тихо помешалась». Непоправимого, однако, не случилось: отец и возлюбленные вовремя пришли на помощь «бедным одиноким девушкам», после чего, «...рыдая, обнялись все». «Кончились для них испытания среди чужих — забрезжила заря спасения. С верою они стали ждать момента, когда победоносная русская рать, отогнав врагов, вернет им их родной кров... Победа придет — поменьше бы было среди нас гнусных людей, пользующихся для своих выгод великой бедой, — побольше бы единения всех, сплывающих в труде и борьбе ради святой войны за освобождение родины и Европы от гнева тевтонов. Победа придет!..», — торжественно заканчивалась эта история³.

Помимо характерного для своего времени германофобского пафоса — даже фамилия *madam*, хозяйки публичного дома, была немецкой, — ретроспективное произведение демонстрировало крайнюю озабоченность российской общественности проблемой превращения беззащитных беженок в «живой товар».

«Жалея беженок, не раз
Вздыхали вы... И, вспоминая
Красу покинутого края,
Провозглашали много фраз

*Наталья Викторовна Суржикова

К.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; snvplus@mail.ru

¹Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00151а

²Беженцы (Дети разоренного края) // Алтайское дело. 1916. 23 февр. С. 1; Беженцы (Дети разоренного края) // Пермские ведомости. 1916. 14 апр. С. 1.

³Беженцы (Дети разоренного края) / Драма на современную тему в 5-и частях; драматический сюжет Г. И. Либкен / постановка С. Я. Веселовского. СПб., 1915. С. 17, 20.

О том, что “беженка — несчастна”,
Что “участь беженки — опасна”,
Что “спета песенка твоя,
Бедняжка-беженка моя”!.. —

констатировал автор стихотворения «Гост беженки», некий Михаил П., свидетельствуя о той же самой озабоченности той же самой российской общественности⁴. В условиях, когда всеми покинутые и лишенные средств к существованию девушки и женщины наводнили внутренние районы страны, веские причины волноваться действительно были. Выбор, который предоставлялся неимущим беженкам, не отличался множественностью своих вариантов, заключаясь между панелью и суицидом. В этой связи совсем не удивительно, что газеты того времени так часто сообщали о самоубийствах именно беженок, а не беженцев. «24 ноября в 12 часу дня повесилась беженка Улиания Свица 18 лет. Свица прибыла из Киевской губернии. Труп помещен в анатомический театр», — обыденно и сухо сообщала газета «Пермские ведомости» 26 ноября 1915 г.⁵ Годом позже о ставших привычными попытках суицида среди беженок корреспондировал из Киева журнал «Жизнь беженцев»: «За вчерашний день в городе зарегистрировано два случая покушения на самоубийство среди беженцев. Первый случай имел место в д. № 12 по Фроловской ул., где с целью лишиться себя жизни выпила большую дозу сулемы молодая девушка-беженка Н. Крисницкая. Отравившаяся в тяжелом состоянии отвезена в карете скорой помощи в Александровскую больницу. Вторым случаем имел место на Тарасовской ул. в д. 14, покушалась на самоубийство беженка Анна Ивасечко, 26 лет. Покушавшейся оказано пособие скорой помощью, после чего она оставлена в своей квартире в удовлетворительном состоянии. Как в первом, так и во втором случае причиной покушения являются тяжелые условия жизни»⁶.

Однако, выбирая между жизнью и смертью, принять решение в пользу последней смелости хватало далеко не у всех, в результате чего несчастные беженки одна за другой пополняли ряды жертв порока. «Озлобленная, выбитая из колеи трудовой наладившейся жизни, совершенно материально необеспеченная беженка, по прибытии в Пермь тщетно ищет себе трудового места и в тисках страшной нужды бьется, бьется до тех пор, пока не оставляют ее силы, и голод не заставляет ее кинуться в страшную пропасть, именующуюся всем знакомым словом “проституция”...», — характеризовала уральская пресса типичную для беженок ситуацию морального падения, для пущей убедительности приводя рассказ уроженки с. Рыкачева Ковенской губернии, О-вой: «Муж мой работал зимой в городе, занимался извозом, а весной оба мы крестьянствовали. Детей у нас нет. Ныне перед уборкой хлеба пришлось бежать, потому, слышно, немец должен скоро быть. Не знаю, с умыслом ли, а может быть в самом деле, а Степан, муж мой то есть, на одной станции большой вышел и в вагон больше не возвратился. Ну, заплакала я, потужила, что бросил, да ведь слезами горю не поможешь. Денег у меня не было ни одного грошика, всю дорогу милостыней жила. Приехала сюда, тоже добрые

⁴ Михаил П. Гост беженки // Жизнь и суд. 1915. № 49. С. 8.

⁵ Самоубийство беженки // Пермские ведомости. 1915. 26 нояб. С. 3.

⁶ Тяжелая жизнь беженцев // Жизнь беженцев. 1916. № 10 (6 нояб.). С. 15.

люди помогли; стала место искать. В одно место пришла, оказалась неподходяща: по-господски готовить не умею, служить в прислугах никогда не приходилось, ну и пришлось мне место оставить. Таким манером я четыре места переменяла: всё неподходяща оказывалась. Денег, конечно, нет, жить надо, с голоду умирать не хочется. Ну и решила я “туда” идти...»⁷.

Сообразно с архивными источниками, от просто озабоченности к реальным мерам борьбы с попытками вовлечения беженок в проституцию приступили в первую очередь в Петрограде. Осуществление этой миссии взяли на себя Римско-католическое общество охранения женщин и Российское общество защиты женщин. Первая из названных организаций учредила в столице два убежища на 125 девушек, нуждавшихся в охранении, «сверх существующего для семейств, где молодые девушки находятся под надзором своих родителей, проживающих вместе с ними». В свою очередь Российское общество защиты женщин открыло специально для молодых беженок убежище Принцессы Альтенбургской, рассчитанное на 15 чел., и устроило для них же 50 мест в уже существовавших приютах. Помимо того, заметив, что «наиболее опасным моментом в смысле вовлечения в проституцию является прибытие неопытной девушки в чужой город», Российское общество защиты женщин совместно с национальными беженскими организациями практиковало «патрулирование» вокзалов, на которые прибывали беженки⁸. Аналогичная практика, между тем, существовала и на периферии. Так, в Перми с августа–сентября 1915 г. на вокзале также регулярно дежурили весьма почтенные дамы: З. И. Хлусевич — по понедельникам, Д. М. Оссовская — по вторникам, Н. А. Деви — по средам, К. И. Артемова — по четвергам, М. М. Ткач — по пятницам и Ф. И. Шипулинская — по субботам⁹.

Осенью 1915 г., когда беженская проблема стала особенно острой, сопровождаясь в т. ч. и ростом проституции, опыт петроградских — и, видимо, не только петроградских — общественников стал предметом обсуждения Комиссии о духовных нуждах беженцев, созданной по решению Особого совещания по устройству беженцев. «Сообразив изложенное выше», указанная комиссия, возглавлявшаяся правоведем А. Ф. Кони, выработала весьма пространный документ, который предписывал: «1) дело ограждения беженок от впадения в проституцию должно быть возложено на Общества защиты женщин и охранения женщин в лице Всероссийского общества [защиты женщин] и Петроградского римско-католического общества одновременно с комитетом национальных организаций для помощи беженцам, причем желательным открытием отделений сих обществ в возможно большем числе городов средней и восточной России; 2) наиболее успешным средством к достижению целей борьбы с вовлечением в проституцию является учреждение проводников и проводниц преимущественно в поездах железных дорог с поручением им регистрации беженцев в пути и обращения особого внимания на деятельность подозрительных лиц по вербовке молодых женщин и девушек. Для сего представляется желательным по возможности обеспечить сим лицам даровой проезд и путевое довольствие и обратиться с призывом к учащейся

⁷ Среди беженцев // Пермские ведомости. 1915. 10 дек. С. 3.

⁸ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 771. Л. 1 об.

⁹ Дежурство дам // Пермские ведомости. 1915. 19 сент. С. 3.

молодежи, а также к свободным от других занятий лицам из общества о принятии на себя звания проводников и проводниц при наличии имеющих быть выработанными условий; 3) для развития деятельности различных организаций по борьбе с вовлечением в проституцию им по мере и в пределах надобности должна быть оказываема материальная поддержка из сумм, находящихся в распоряжении Особого совещания [по устройству беженцев] и Главноуполномоченных фронта, а также тыла, если в распоряжение последних будет ассигнована особая сумма; 4) для помощи сим организациям на местах их деятельности желательно обращение Особого совещания [по устройству беженцев] через министра внутренних дел к начальникам губерний о зависящем с их стороны содействии к принимаемым организациями мерам; 5) для действительного ограждения женщин и девушек от опасности, представляемой сводничеством, необходимо применение карательных за сводничество постановлений, содержащихся в статьях 524–527 Угол[овного] Улож[ения], для чего желательно обращение к министру юстиции о незамедлительном проведении в законодательном порядке этой меры; 6) в тех же целях представляется желательным выработка министерством юстиции законопроекта о признании безнравственными и, следовательно, недействительными имущественных сделок, направленных к поставлению в безвыходное положение женщин, вовлекаемых в проституцию, с предоставлением Обществу защиты женщин и национальным организациям прав, аналогичных с правами Общества защиты детей от жестокого обращения; 7) в виду необходимости охранения семейного начала среди беженцев, в значительной степени парализующего соблазны со стороны вовлекающих в проституцию, представляется целесообразным передать вопрос о сем в комиссию по общим вопросам, как относящийся к упорядочению движения и расселения беженцев...»¹⁰.

Воплотиться в жизнь в одночасье все эти рекомендации, естественно, не могли, почему на ниве ограждения беженок от вовлечения в проституцию продвинулись далее тактики малых дел так и не удалось. При этом общественность все более и более склонялась к мысли о том, что самым действенным средством борьбы с вышеназванным злом являлось прежде всего трудоустройство беженок. Отражая эту тенденцию, «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах» в феврале 1916 г. информировал: «14 февраля состоялось открытие убежища для беженок (Забайкальский, 5), устроенного на средства Татианинского комитета Лигой равноправия женщин. На открытии присутствовали: председатель комитета А. Б. Нейдгарт, попечитель убежища князь Г. Ю. Тарханов, председательница Лиги равноправия женщин П. Н. Шишкина-Явейн и много членов. Цель устройства убежища — дать трудовую помощь беженкам. С этой целью Лига устраивает столовую, где будут обучаться беженки кулинарному искусству и прислуживать, получая себе доход. При убежище организуются: мастерская для шитья белья, в которой уже работает до 20 беженок, переписка на машинках, кооперативные курсы и т. д. Общежитие рассчитано на 70 человек. Татианинский комитет ассигновал на это дело 15 000 р., из которых истрачено 8 000 р.»¹¹.

¹⁰ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 771. Л. 3-4.

¹¹Открытие убежища // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 8–9 (21–28 февр.). С. 11.

Почин столичных общественников получил развитие на периферии, о чем в мае 1916 г. сообщал все тот же «Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах»: «Среди жителей Глиняны Львовской губернии немало кустарей-ткачей, изделия которых отличаются изяществом и прочностью... В настоящее время в Екатеринославе находится группа уроженок этого местечка. Это беженки-галичанки. Молодые девушки в возрасте 16–17 лет в совершенстве постигли ткацкое искусство. Русский беженский комитет, принявший беженку в одном из своих общежитий, предполагает устроить в Екатеринославе особую ткацкую мастерскую. К работе, кроме 10 находящихся здесь галичанок из Галиции, предполагено привлечь их подруг, поселившихся теперь в разных пунктах Павлоградского уезда»¹².

Месяцем ранее, в апреле 1916 г., признав, что «беженство оказало подавляющее и разлагающее влияние на многих», к проблеме все более и более распространявшейся проституции, а с нею и венерических заболеваний, обратились участники Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов. При этом они признали, что проблема «женщин улицы» — проблема не только женская. Л. М. Горовиц-Власова, одна из первых русских женщин-микробиологов, в этой связи подчеркивала: «... Самые драконовские меры по отношению к проституткам (вплоть до потопления их сотнями при Генрихе III, изгнания из целого ряда городов во Франции, Австрии, Шотландии и пр.) и самые суровые меры регламентации никогда не приводили к цели. С другой стороны статистика показывает, что там, где восторжествовала доктрина аболиционизма¹³, роста венерических заболеваний отнюдь не наблюдалось. Борьба с венерическими заболеваниями должна вестись в совершенно другой плоскости — путем воспитательного воздействия и уничтожения несообразностей двойной половой этики. Несомненно, пропаганда взглядов, что общение с проститутками дело зазорное, и что половая распущенность мужчины заслуживает такого же осуждения, как и распущенность женщины — такая пропаганда понизила бы заболеваемость венерическими болезнями гораздо более, чем самые усердные облавы на проститутку. Столь же полезно было бы распространение сведений о том, что относительное половое воздержание не содержит в себе, с медицинской точки зрения, ничего вредного для мужского организма, как и для женского»¹⁴.

Однако делить ответственность за проституцию с вовлеченными в нее беженками российские мужчины явно не торопились, а потому, как подметил П. Гетрелл, на этот счет «гораздо легче было давать всякие рекомендации, чем воплотить их в жизнь» [1, с. 122]. Как результат проституция среди беженок продолжала процветать, свидетельства чего содержали в себе самые неожиданные источники, вплоть до воспоминаний немецкого военнопленного Э. Двингера, автора широко известной специалистам книги «Армия за колючей проволокой»:

¹²Беженки-ткачихи // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19 (22 мая). С. 12.

¹³Здесь имеется в виду «разновидность» аболиционизма, связанная с борьбой за отмену полицейской регламентации проституции и ее легализацию.

¹⁴Труды Внеочередного Пироговского Съезда врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. М., 1917. С. 33, 49, 50.

«На вокзалах теперь мы нередко встречаем длинные составы беженцев... Они уже многие месяцы с детьми и скарбом ютятся в вагонах... Есть тут одна из беженок, славная штучка — молоденькая, хорошенькая, здоровая... С наступлением сумерек раздается пронзительный сигнал к отправке. В последний момент Брюнн с дальней стороны втягивает в вагон простоватую девицу. Часовой делает вид, будто спит. Девушка, зябко подрагивая, оборачивается во все стороны... Брюнн резко хватает ее за обе руки, тянет на нижние нары... Когда на рассвете я поворачиваюсь, вижу белеющую плоть девушки. На ее теле почти ничего нет. И на коленях перед ней уже не Брюнн. Это уже четвертый, шестой или восьмой...» [2, с. 101–103].

Очевидно, таким образом, что официальная мораль в воюющем обществе, страдающем различными недугами (включая беженство и связанное с ним развитие проституции), сдавала позиции, а с нею неумолимо сдавало позиции и само воюющее общество, кардинальные трансформации которого стали делом недалекого будущего.

Библиографический список

1. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999.
2. *Двингер Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004.

N. V. Surzhikova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS

«Refugeedom Has Made an Overwhelming and Demoralizing Impact on the Many...»: Russia's Experience of 1914–1917

The article is devoted to the history of Russian refugeedom of 1914–1917 and, in particular, to the related problem of the growth of prostitution. The author considers the public debate on this issue and the attempts to struggle against the «living goods» trade, which proved to be of no effect.

Key words: World War I, refugees, prostitution, the public